

НОВЫЙ ФОРМАТ

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

СЕКРЕТ ВЫСОЦКОГО ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТУХИН

Жизнь в искусстве

Валерий Золотухин
Секрет Высоцкого

«Алисторус»

2002

Золотухин В. С.

Секрет Высоцкого / В. С. Золотухин — «Алисторус»,
2002 — (Жизнь в искусстве)

Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин – несомненно, самые яркие и самобытные дарования из созвездия «Таганки» 60–70-х годов. Они были звездами, которые светили своим, а не отраженным светом. Они были друзьями. Высоцкий ценил Золотухина не только как коллегу-актера, но и как талантливого писателя. «Володя сказал сегодня: «Когда я умру, Валерий напишет обо мне книгу...» Я о нем напишу, но разве только я? Я напишу лучше». Это запись из дневника В. Золотухина от 11 февраля 1971 года. Он действительно написал лучше. Среди разнообразной литературы о Высоцком воспоминания Валерия Золотухина занимают особое место. В его книге мы встречаемся с живым, невыдуманным Высоцким времен его прижизненной всенародной популярности. Любимцем публики, начиная с Бумбараша и таежного милиционера Серёжкина, был и Валерий Золотухин. Песни разных авторов в исполнении артиста становились шлягерами. Эти дневниковые записи – остановленные мгновения, искренние и честные. Перед вами – одна из лучших книг о Высоцком, о легендарной «Таганке», и, конечно, о самом Валерии Золотухине.

© Золотухин В. С., 2002

© Алисторус, 2002

Содержание

«Боже! Помоги моему другу...»	5
«Высоцкий и Епифанцев чуть не утонули в Куре» (1966)	10
«Прекрасный вечер с Мариной Влади» (1967)	12
«Почему нас нет рядом, когда ему плохо?» (1968)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Валерий Золотухин Секрет Высоцкого. Мы часто пели «Баньку» вместе

«Боже! Помоги моему другу...»

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают...*

А. Кушнер

Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин...

Безусловно, самые яркие и самобытные дарования из созвездия «Таганки» 60-х–70-х годов. Для меня, влюбленного в песни и личность Владимира Высоцкого, Театр на Таганке, по правде говоря, всегда был интересен в основном лишь постольку, поскольку главный режиссер, актеры являли собой окружение кумира. (Этим я не хочу никого обидеть – очень ценю, например, Аллу Демидову, Леонида Филатова.) Я им страшно завидовал в юности уже потому, что они (подумать только!) могли каждый день запросто здороваться, общаться с Ним и, конечно, слушать Его феноменальные песни живьем (небожители!).

В начале 70-х, не пройдя по конкурсу в университет, я всерьез подумывал уехать из родного Ташкента в Москву и поработать (кем угодно!) на Таганке, хотя бы до армии (совсем как восторженная девочка-костюмерша из записок Валерия Золотухина) – «лишь бы каждый день видеть Самого Высоцкого!».

Бесспорную неповторимость таланта Валерия Золотухина я отметил для себя, пожалуй, раньше, чем услышал песни Владимира Высоцкого. Фильм «Пакет» с высоты нынешнего дня, может быть, покажется весьма незатейливым (кто-то и неправду найдет), но это чистая и честная по интонации работа, с хорошими актерами, в котором впервые заблистал юный Золотухин, впервые проявился тот самый «ванинский склад» актерского дарования. Обаятельнейшие образы таежного милиционера Сережкина и Бумбараша сделали его любимцем публики. Плюс, конечно, песни разных авторов, которые после исполнения их Золотухиным становились шлягерами. Одним словом, еще с середины 60-х Валерий Золотухин стал для меня звездой (ну, может быть, звездочкой), которая светит своим, а не отраженным светом. Его «особняковость» ощущалась всегда и в самом Театре на Таганке – он тоже «в привычные рамки не лез».

...После смерти Владимира Высоцкого показалось странным – Золотухин, которого сам погибший поэт называл другом, молчит. (Нельзя не отметить: о Высоцком писали много, и часто талантливо, страстно, и Алла Демидова, и Вениамин Смехов. А как не вспомнить блестящие работы Натальи Крымовой, Леонарда Лавлинского, Юрия Карякина!)

Золотухинский «Этюд о беглой гласной», написанный мастерски, легко и свободно, только разжег нетерпение прочитать нечто более «глобальное». А ряды «воспоминателей», между тем, стали множиться едва ли не в геометрической прогрессии. Становилось жутко. Пошли в ход отшлифованные многократным употреблением и скоро набившие оскомину клише и трафареты, патока патетики и дешевого мессианства. Вознесенский и Евтушенко, которые всегда шли чуть впереди прогресса, поведали градам и весям, что, оказывается, в «душной атмосфере застоя» почти главным делом их жизни было помочь пробиться «меньшому брату» в печать и Союз писателей.

Марина Влади издала свои интереснейшие (как к ним ни относиться!) мемуары, точнее мемуарную беллетристику. А Золотухин молчал...

Качественно новый этап осмысления, исследования, понимания жизни и творчества великого русского поэта последней трети нашего столетия Владимира Высоцкого, я считаю, начался с воспоминаний Людмилы Абрамовой, умных, тонких и точных, и публикации в «Литературном обозрении» писем молодого, бесшабашного Володи Высоцкого к ней.

И вот дневники Валерия Золотухина. Беспощадные прежде всего к себе. И этим уже вызывающие доверие. Пронизанные любовью, любовью подлинной – не ангельской, не дистиллированной. Здесь всего намешано: ревность, нескрываемое желание соперничества и творческого превосходства, резкие оценки, казалось бы, даже бесспорных удач Высоцкого, радость и отчаяние, воспарение духа и падения плоти. Кажется, фрагментарность, беглость, недосказанность вовсе не достоинства, а недостатки дневников вообще.

В фильме режиссера А. Митты «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976), поставленном по мотивам незаконченной повести А. С. Пушкина «Арап Петра Великого». Ибрагим – В. Высоцкий, Филька – В. Золотухин.

Для меня же прелесть и притягательность золотухинских дневников именно в их импрессионистичности, противоречивости даже. В них атмосфера времени, узнаваемые реалии тех дней. Язык, надо признать, и впрямь порой далеко не парламентский – права Галина Волина. Но здесь хочется и поспорить с ней как одной из первых, надо полагать, читательниц дневника. Участница правозащитного движения (то есть мужественный человек, для которого правда – и принцип, и цель), получается, против... правды?! Нет, конечно. Однако все-таки не надо бы априори моделировать некое «среднестатистического» читателя – циника и пошляка, с блестящими глазками и потными от предвкушения «чтива» ладонями. Что же касается «кулис», теат-

рального «Зазеркалья», мне кажется, нельзя ну буквально все сводить к издержкам «подлого времени». Охотно признаю свою слабую компетентность, однако жизнь господина де Мольера и его труппы, история русского театра, наконец, «Театральный роман» Михаила Булгакова показывают, и достаточно убедительно, *вечность* этого явления. За кулисами, увы, всегда что-то происходит, что-то «творится» (даже политика позаимствовала у театра такие понятия, как «закулисная сделка», «закулисные переговоры» с однозначно негативным оттенком). Так было, так будет. Другое дело – кто без греха? Кто первым бросит камень в актерскую братию? Можно подумать, нет своего «закулисы» у врачей и политиков, прокуроров и академиков, физиков и лириков, токарей и пекарей!

Уверен, Валерий Золотухин поступил правильно, не последовав добросовестным и добropорядочным советам.

Я прочитал дневники взахлеб, на одном дыхании. Почему? Ну понятно – Высоцкий, Таганка. Но еще и потому, что это – *художественная* литература. При всей неприглаженности, непричесанности форм, скорее даже благодаря этому. Я, так сказать, рядовой читатель, чисто эмоционально воспринял дневники Золотухина именно как «документальную повесть о Высоцком, о Таганке». О формировании души русского интеллигента. О том времени, когда у нас «достаточно беспокоились о творческом беспокойстве артистов» (С. Е. Лец).

Интриги, сплетни, ложь, склоки? Да, но это живая жизнь. Варварский, вульгарный язык? Что ж, если *так* «кто-то кое-где у нас порой» (то есть сплошь и рядом) говорит! Словом, не стоит всего этого пугаться, это как раз тот самый «сор» ахматовский, из которого, «не ведая стыда», росло Искусство, Искусство легендарной Таганки, о жизни «обитателей» которой мы судим отнюдь не по их страстишкам «общечеловеческим» и слабостям, а прежде всего по творческим взлетам. Это и есть суть их существования – сплав души, таланта и вдохновения.

Когда автор говорит о своем часто «непутевом» и нежно любимом герое, друге и «сопернике», он не чурается лирики и даже патетики, счастливо избегая фальши и ходульности. Язык повести, золотухинской прозы вообще, заслуживает отдельного разговора. Скажу лишь о поразительной способности автора ярко, броско, очень узнаваемо характеризовать своих героев их же репликами, тирадами. Наиболее живописен, я бы сказал, мрачно-великолепен Юрий Любимов (он же Шеф, он же Петрович), клокочущий темперамент которого рождал и великие спектакли, и великие обиды его актеров. Как мне показалось, они довольно часто чувствовали себя только глиной в руках скульптора, пусть и гениального.

Полифоничность, смена темпов в повествовании адекватны жизненному ритму «действующих лиц», их дыханию, часто прерывистому, той самой пресловутой прозе жизни, житейской суете, незаметно, исподволь затягивающей. И, в результате, не жизнь прожита – ее черновики. Автору же, судя по дневникам, удастся «остановиться, оглянуться», подняться над жизненной рутинной, всмотреться в себя... и ужаснуться порой – не так живу! Эти «самокопания» (еще недавно проходившие по разряду «мелкотемья», «узкого мирка сугубо личных переживаний» и т. п.), в сущности, едва ли не самое интересное и волнующее, и дорогого стоят. Валерий Золотухин доверчиво, по-моцартовски, открывает перед нами свою душу, мир своих сокровенных, почти интимных переживаний и страстей – как говорят сейчас, «подставляется». Разумеется, в надежде на сочувствие, сострадание, ради Истины, которая всегда одна (это правд много, у каждого – своя). Кстати, я уже говорил, что автор часто беспощаден к себе, да и к героям, и это очень важно, ибо многие мемуаристы, вольно или невольно, после смерти Высоцкого пишут уже как бы с поправкой на его утвердившуюся гениальность и собственную прозорливость. Прочитав записки Валерия Золотухина, четко сознаешь: да, был уже тогда, в 60-е, популярный артист и певец Владимир Высоцкий, но, скажем, Гамлета могли сыграть (и надеялись, и верили, что сыграют не хуже, а может быть, и лучше, по-своему) и Л. Филатов, и Д. Щербаков, не говоря уже о самом В. Золотухине. Драматические коллизии вокруг коронной роли мировой драматургии: вправе или не вправе был Валерий Золотухин претендовать на эту

роль после того, как ее сыграл, и сыграл мощно, Владимир Высоцкий? Сейчас мне кажется: а почему нет? Но не уверен, что, скажем, в 79-м я был бы так же великодушен...

Будет, однако, печально, если «шквал ненависти» действительно обрушится на автора. От «неистовых ревнителей» в последние годы жизни Высоцкий, по-моему, и сам был не в восторге, они раздражали его. Впрочем, если мы убедились, что имеем дело с явлением литературы, то вспомним снова С. Е. Леца: «Должно ли искусство быть понятным? Да – но только адресатам». Остальных, как говорится, просят не беспокоиться.

Великий поэт и певец, замечательный актер имел болезненное, мучительное для него самое пристрастие к алкоголю и наркотикам, безмерно страдал, не щадил близких, подводил коллег, режиссеров, вел образ жизни, зачастую далекий от «здорового». Это, естественно, приблизило роковую развязку. «Ложная акцентировка»? Не думаю. Напротив, еще более отчетливо представляешь себе, как фантастически много сумел сделать этот человек в искусстве! И сколько бы еще сделал! Как его нам не хватает сегодня!

После дневников Валерия Золотухина уже иначе слушаешь и читаешь Владимира Высоцкого. Какое мужество и какие муки преодоления, удивительные прорывы к гармонии, истинной поэзии, моменту поэтической истины через дьявольское наваждение, вопреки веригам плоти и власти. Судьба послала его России в годы безвременья, поэтому трудно не согласиться с простой, но, на мой взгляд, очень емкой и глубокой мыслью патриарха советской литературы Виктора Шкловского: «Когда люди слушали его, они вспоминали, что они люди». Само его существование – явление Высоцкий – делало жизнь миллионов советских людей чище, осмысленнее, вселяло надежду на лучшее. Во всяком случае, о себе и десятках мне знакомых людей я могу сказать это совершенно однозначно. Этого мало?

Песенка А. Вертинского «На смерть юнкеров» звучала в спектакле Театра на Таганке «Десять дней, которые потрясли мир». Поет Валерий Золотухин, аккомпанирует Владимир Высоцкий.

Чем еще близки мне как личности, как художники Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин? Тем, что они для меня как бы две ипостаси, наверное, самого русского, самого песенного поэта XX века – Сергея Есенина. И не только потому, что и тот и другой конгениально воплотили творения Есенина: Высоцкий сыграл Хлопушу в «Пугачеве», а Золотухин блестяще сделал композицию «Анны Снегиной». Связь глубже и значительнее. Если можно говорить о какой-то художественной генетике, то связь именно на таком уровне; если хотите, как художники они имеют одну группу крови. Вспомним прозу Есенина, сравним ее с прозаическими опытами «раннего» Золотухина. А разве не созвучны «дворовые» песни Высоцкого (очень ценимые им самим) «Москве кабацкой» и «хулиганским» стихам Есенина? Кстати, кое-кто, и среди них Андрей Синявский, считают эти самые «дворовые» песни – основными у Высоцкого. Спорно, но о вкусах не спорят...

Рискну утверждать: по экспрессии, эмоциональному накалу, драматургии стиха Есенину и Высоцкому нет равных.

А сколько простора для размышлений и открытий дают «черные люди» обоих поэтов!

Есенина, Высоцкого, Золотухина объединяет еще и ярко выраженное певческое, музыкальное начало, именно оно у них определяющее. И не столь важно, что потомственному «урбанисту» Высоцкому ближе гитара, а «сельские жители» Есенин и Золотухин даже в городских кепи остались верны тальянке.

Верю: дальнейшая эволюция литературного таланта Валерия Золотухина, оплодотворенного горечью и сладостью «жизни в искусстве», сулит нам еще немало открытий.

Сергей Вдовин

«Высоцкий и Епифанцев чуть не утонули в Куре» (1966)

*Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенный,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей...*

А. С. Пушкин

18.03.1966

Пятилетний сын Высоцкого огорошил вопросом:

– Надо же, наконец, выяснить, кто ведет поезд: машинист или коммунист?

Либо врет отец, либо сын – Бисмарк.

15.06.1966

Выпустили «Галилея». Вчера Высоцкий играл превосходно. 3-я, 8-я и 9-я картины – просто блеск.

Но сегодня играл Калягин. Первый раз, как будто в 100-й; успех такой же.

Неужели каждый может быть так легко заменен? Страшно. Кому тогда все это нужно? Не могу смотреть Калягина... Высоцкий мыслит масштабно. Его темперамент оглушитель.

23.06.1966. Тбилиси. Гастроли

Были в гостях в загородном доме у Медеи. Высоцкий и Епифанцев чуть не утонули в Куре. Не могли спуститься по скалам. Высота¹ уверяет, что видел рядом змею.

05.11.1966

Сейчас поеду на «10 дней». Будет Дин Рид... Дина вызвал Гоша² на сцену, и они крепко расцеловались. Толпа завопила: «Гитару Дину!», «Браво!». Мы стояли, оплеванные его успехом. Зоя³ передала слухи из кабинета главрежа: «Дину понравился «Пьеро»⁴. Я: «Не буду теперь ни с кем здороваться».

Пел. Хорошо, но не более. Чего-то мне не хватало. Самобытности либо голоса. В общем, Высоцкий успех имел большой. Дин сказал: «Режиссер и артисты, совершенно очевидно, люди гениальные». Вообще он прекрасный парень.

07. 11. 1966

Вчера, т. е. 6-го, собирались у нас. Индейка, купаты. Я распинаясь, чтоб всем было хорошо. Высоцкий уехал в 1.30.

---

¹ Так иногда называли В. Высоцкого его друзья.

² Ронинсон Готлиб, актер Театра на Таганке.

³ Хаджы-Оглы Зоя – помощник режиссера в Театре на Таганке.

⁴ Песенку А. Вертинского «На смерть юнкеров» в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» исполнял В. Золотухин в манере и костюме Вертинского 10-х годов.

Спектакль «Десять дней, которые потрясли мир», поставленный в середине 60-х главрежем «Таганки» Юрием Любимовым по мотивам книги Джона Рида, вовлекал зрителя в свое действие уже перед театральным подъездом, где начиналось представление.

«Прекрасный вечер с Мариной Влади» (1967)

23.01.1967

ВТО. Я и Венька⁵ отпросились у жен. Банкет устроен Высоцким.

Говорили: о сказке, об устройстве на работу Люси⁶, о каком-то сценарии для нее – может быть, самым придумать.

Новое дело у меня в жизни – долг перед Люсей, надо что-то сделать для нее.

10.02.1967

Левина из разговора с Любимовым в машине об артистах.

– Забурели артисты, забурели, даже Высоцкий. Единственный, пожалуй, кто держится, – Золотухин.

Очевидно, она не сказала вторую половину фразы:

– Пока не сыграл Кузькина.

Любимов:

– Вчера были очень уважаемые люди из Франции и сказали, что монахи в шестой картине не действуют, не тянут, занимаются показухой.

– Премьер Италии сказал, что артисты забурели.

– Зажрались... формализм... не общаются... не по-живому...

Любимов:

– Володя, сегодня буду смотреть, острее твоя проблема.

23.02.1967

Мне сейчас впору начинать гениальный роман, но я подожду, не к спеху, успею; и хоть мне уже скоро долбанет 26, сохраняю веру и надежду – никто и ничто не может запретить мне мечтать.

Давал читать «Стариков» Высоцкому. «Очень б... понравился... и напечатать можно».

15.04.1967. Ленинград

Телеграмма Сегелю: «Порядок, буду 19 24 21 привет Высоцкого».

– Володя, не забудь поговорить о моем деле.

30.05.1967

Завтра творческий вечер Высоцкого. Это главная забота.

26.08.1967.

Ночевал Высоцкий. Жаловался на судьбу:

– Куда деньги идут? Почему я должен вкалывать на дядю? Детей не вижу. Они меня не любят. Полчаса в неделю я на них смотрю, одного в угол поставлю, другому по затылку двину... Орут... Совершенно неправильное воспитание.

03.06.1967

---

⁵ Смехов Вениамин, актер Театра на Таганке.

⁶ Абрамова Людмила Владимировна, в то время жена В. Высоцкого, мать двух его сыновей, по образованию актриса (окончила ВГИК).

Банкетное похмелье. Вчера 200-е «Антимиры». Тяжело утром. Спал на кухне. Долго курил, пил, думал про отца. Сходил к бочке. Высоцкий ручку подарил. «А мне подарить некому – Шекспир умер» – несколько похоже. Спичкой подогреешь – пишет, застынет – охладет. В ссоре с женой два дня.

Банкет. Смотрю. Рассматриваю. Одиночество. Каждый жутко одинок. Особенно заметно это, когда люди собираются на какое-нибудь торжество. Высоцкий поет. Все счастливы. Додина кормит с ложечки Р. Быкова. Он глупо смотрит на Высоцкого, улыбается и открывает машинально рот, не глядя, что ему суют.

04.07.1967

Вечером позвонил Гутьеррес⁷. Пригласил в ВТО. Марина Влади. Роли, водка. Поехали к Максу⁸. Пили джин со льдом, пели песни. Сначала Высоцкий свои, потом я – русские, и все вместе – тоже русские.

Марина пела песни с нами, вела подголосок – и так ладно у нас получалось, и всем было хорошо.

09.07.1967

Ничто не повторяется дважды, ничто. И тот прекрасный вечер с Мариной Влади с русскими песнями – был однажды и больше не вернется никогда. Вчера мы хотели повторить то, что было, и вышел пшик... Все уехали, опозорились с ужином в ВТО, отказались от второго, все хотели спать, канючили: «Добраться бы до постели поскорее...» А я все ерепенился чего-то, на русские песни хотел повернуть и начал было «Все птички перепели», да пел один. Что такое? Что случилось в мире? Весь вечер я не понимал Шацкую...⁹ Что такое? Ревность, что ли, какая-то странная, что не она царица ночи, что все хотят понравиться Марине, или что? Капризы, даже неловко как-то, а я суечусь, тоже пытаюсь в человеки пробиться... «Ты мне не муж, я не хочу сейчас чувствовать твою опеку, взгляды, не обращай на меня внимания и не делай мне замечаний».

А спектакль прошел прекрасно, я так волновался и так старался, что даже кой-где поднаиграл. Рвал гармошку свою во все стороны – аж ключья летели. Американцы ручку подарили. Лез фотографироваться с М. до неприличия, надо позвонить Гаранину – подбострастные негативы уничтожил чтоб. Дурной характер, не выдержанный до конца, нет-нет, да и сорвется рука на глупость.

День моего позора. Анхель – совесть моя творческая, я всегда чувствую себя учеником, подмастерьем, оправдываюсь в чем-то и заверяю, что исправлюсь. С тоской собачьей ехал домой, плакал и рыдал в рассвет, говорил жене, что болит нога, курил, хотелось повеситься и завидовал В., который, взяв за плечи М. в цыганском платке, пошел ее провожать.

10.07.1967

Театр. Духота, теснота, одиночество.

М. Влади:

– Это была моя лучшая поездка в СССР. Я увидела «Маяковского».

---

⁷ Гутьеррес Анхель – преподаватель В. Золотухина по актерскому мастерству в ГИТИСе.

⁸ Макс Леон – корреспондент «Юманите», проживавший в то время в Москве.

⁹ Шацкая Нина (Зайчик) – первая жена В. Золотухина, актриса Театра на Таганке.

Снова вдвоем – в «Антимирах». С этого спектакля по стихам Андрея Вознесенского начался на Таганке театр поэзии.

14.07.1967

Не надо вдаваться в хронологию. Черта ли с нее? Черта ли с того, что жена выскочила на Таганке, на красный свет, а я уезжал в Одессу, и меня должна была проводить. А ей М. В. не нравится:

– Бездарная баба, а вы ее облизываете все, просто противно, а ты больше всех унижался, как ты гнул спину... Я зауважала Высоцкого, он хоть не скрывает своих чувств, а ты все старался спрятать их и оттого был еще меньше, жалким...

16.07.1967

Высоцкий:

– Николай Робертыч! А вы пьесу пишете?

Эрдман:¹⁰

– Вам скажи, а вы кому-нибудь доложите. А вы песни пишете?

– Пишу. На магнитофон.

– А я на века. Кто на чем. Я как-то по телевизору смотрел, песни пели. Слышу, одна, думаю – это, должно быть, ваша. И угадал. В конце объявили автора. Это большое дело. Вас уже можно узнать по двум строчкам, это хорошо.

---

¹⁰ Эрдман Николай – драматург.

– Говорят, скоро «Самоубийца» будет напечатана.

– Да, говорят. Я уже гранки в руках держал. После юбилея разве... А он, говорят, 10 лет будет праздноваться, вот как говорят. Ну, посмотрим... Дети спросят.

02.10.1967

От юбилеев тошнит. Три дня занимались, не спали, писали, репетировали поздравления: Любимову – ему 30-го пятьдесят стукнуло и Ефремову – ему вчера сорок. Получилось здорово и то и другое. Петрович¹¹ сидел между рядами столов с закуской-выпивкой, и мы действовали для него. Прослезился, растроган. Вечером пригласил к себе меня и Высоцкого. Жена больна, к тому же Кузя¹² – поехала домой. А мне обидно неумоготу и боязно. Для чего, зачем я к нему поеду? Там высшее общество. Это что? Барская милость? Поеду – все будут знать, конечно, и перемывать кости. Но это не страшно как раз. Другое страшно: зависимость от благодушия главного и прочих сильных. Должно сохранять дистанцию и занимать свое место сообразно таланту и уму...

«Золотухин, когда берет гармошку, вспоминает свое происхождение и делается полным идиотом». Это изречение принадлежит Высоцкому.

«Высоцкий катастрофически глуп» – а это уже Глаголин.

20.10.1967

«Пугачев» – гениальный спектакль. Высоцкий первым номером. Удивительно цельный, чистый спектакль.

21.10.1967

Вчера Элла¹³ снова сказала при свидетелях, что я буду играть Раскольников. Высоцкий в поезде мне сказал, что он очень хочет сыграть этого человека. Думаю, что предстоит борьба, скрытая, конечно, тихая, но она состоится. Я не стану лезть на рожон, пусть сами думают и решают. Бог мне поможет.

05.11.1967

Как-то ехали из Ленинграда: я, Высоцкий, Иваненко¹⁴. В одном купе. Четвертым был бородатый детский писатель. Вдруг в купе заходит, странно улыбаясь, женщина в старом синем плаще с чемоданчиком и со связкой книг Ленина («Философские тетради» и пр.). Раздевается, закрывает дверь и говорит: «Я поеду на пятой полке. Это там, наверху, сбоку, куда чемоданы суют, а то у меня нет такого капитала на билет». У нас челюсти с Иваненко отвисли, не знаем, как реагировать. Моментально пронеслось в голове моей: если она поедет, сорвет нам беседу за шампанским, да и хлопоты и неприятности могут быть... Что делать? Высоцкий. Зная его решительный характер – к нему. Где-то внутри знаю: он с женщиной и вообще – человек самостоятельного действия. Решит сам. Мне же выгонять женщину безденежную жалко, совесть не позволяет, христианство, лучше это сделать невзначай как бы, чужими руками, или просто посоветоваться. Я и вышел посоветоваться. Не успел толком объяснить Высоцкому, в чем дело, – он туда. Не знаю, что, какой состоялся разговор, только минуты через три она вышла одетая и направилась к выходу. Я постоял немного, вошел в купе... посидел, и совесть стала мучить: что-то не то сделали. Зачем Володьку позвал? Я ведь знал, уверен был, что он ее выго-

---

¹¹ Любимов Юрий Петрович, главный режиссер Театра на Таганке (1964—1984 и снова с 1989), до этого актер Театра им. Вахтангова (1946—1963). В 1984 г. лишен гражданства СССР, в 1989 г. гражданство восстановлено.

¹² Собака В. Золотухина, фокстерьер, которого позднее, во время работы над к/ф А. Роома «Цветы запоздалые», Золотухин брал с собой на съемочную площадку (см. запись от 15.04.1969).

¹³ Левина Элла Петровна, в то время помощник главного режиссера по литературной части Театра на Таганке.

¹⁴ Иваненко Татьяна – актриса Театра на Таганке.

нит. И многое другое в голове промелькнуло. Короче, я вспомнил, подсознательно конечно, что и здесь, перед своей совестью, перед ними всеми благородством можно блеснуть, и я кинулся за этой женщиной. Предложить ей хотел десятку, чтобы договорилась она с проводником. Но не нашел ее, хотя искал честно. И потом все-таки похвалился им, что, дескать, искал ее и хотел деньги отдать, но не нашел. Зная, что друг зарплату большую получил и потратит на спутницу свою, которую в Ленинград возил прокатиться, вдесятеро больше, однако не догадался он поблагодарить эту женщину, а я, хоть и поздно, но догадался, и опять в герои лез, и опять хотел быть лучше ближнего своего.

10.11.1967

Жду Высоцкого из Ленинграда. Что он может мне сообщить? Какие дела мои его беспокоят? Да никакие! Материал¹⁵, разве, посмотрит.

11.11.1967

Приехал Высоцкий. Кое-что видел, «Штаб союзников».¹⁶

– Ты хорошо, а Шифферс мне не понравился. Всё «22» – чересчур. Его надо всего тонировать.

– Как последний мой материал?

– Не видел. Говорят, хорошо.

Чем-то расстроен, неразговорчив, даже злой. Грешным делом подумал: может быть, завидует моему материалу и огорчен своим.

04.12.1967

По поводу Женьки¹⁷ Высоцкий сказал мне много приятных слов:

– Ты многое играешь хорошо. И вообще это будет для тебя событие.

---

¹⁵ Отснятый черновой материал по к/ф «Интервенция» (реж. Г. Полока).

¹⁶ Сцена из к/ф «Интервенция».

¹⁷ Женька Ксидиас – роль В. Золотухина в к/ф «Интервенция».

Они работали в одном театре, дружили, играли в одних спектаклях, не раз вместе снимались... Один из «общих» фильмов – «Интервенция» (1968) режиссера Геннадия Полоки, который долго лежал «на полке».

17.12.1967

Вчера было 16-е. Репетиция по вводу за Высоцкого.

18.12.1967

Я выиграл вчерашний бой. Нет, господа присяжные заседатели, вы меня рано похоронили, я в отличной форме, несмотря на все передраги и метели. Я отлично пел за Высоцкого¹⁸, бросился головой в пропасть, и крылья распахнулись вовремя, а потому заработал ворох, кучу комплиментов. Я горд за себя, я победил что-то в себе и вокруг и уверовал в свою звезду.

20—21.12.1967

Ленинград. Всю ночь в «Стреле» болтали с Высоцким – ночь откровений, просветления, очищения.

– Любимов видит в Г. свои утраченные иллюзии. Он хотел так себя вести всю жизнь и не мог, потому что не имел на это права. Уважение силы. Он все время мечтал «переступить» и не мог, только мечтал. А Г., не мечтая, не думая, переступает и внушает уважение. Как хотелось Любимову быть таким! Психологический выверт – тут надо додумать, не совсем вышло так, как думалось. Думалось лучше.

Чудно играть смерть. Высоцкому страшно, а мне смешно, оттого что не знаю, не умею и пытаюсь представить, изобразить. Глупость какая-то.

24.12.1967

---

¹⁸ В спектакле «Послушайте!» В. Золотухин вместо В. Высоцкого пел в сцене с чиновниками «Очи черные».

Мелочь. В какой-то газете (кажется, в «Советской России») сообщение, информация об «Интервенции». «В фильме участвует целая когорта популярных (?), талантливых, известных (?; одно из этих похожих слов) артистов: Толубеев, Юрский, Высоцкий, Золотухин, Нифонтова». Моя фамилия под одним эпитетом с Толубеевым. Приятно, гордостно – да, но не в том суть, а суть в том, что чудно.

«Почему нас нет рядом, когда ему плохо?» (1968)

26.01.1968

Вчера Высоцкому исполнилось 30 лет. Удивительный мужик, влюблен в него, как баба. С полным комплексом самых противоречивых качеств. На каждом перекрестке говорю о нем, рассказываю, объясняю некоторым, почему и как они ошибаются в суждениях о нем.

27.01. 1968

Развязал Высоцкий. Плачет Люська. Венька волнуется за свою совесть. Он был при этом, когда развязал В.

После «Антимиров» угощает шампанским.

Как хотелось вести себя:

– Что ты делаешь, идиот! А вы что, прихлебатели, смотрите? Жена плачет.

Выхватить бутылки и вылить все в раковину, выбить из рук стаканы и двоим-троим по роже дать.

Нет, не могу, не хватает чего-то, главного мне не хватает всегда.

– У него появилась философия, что он стал стяжателем, жадным, стал хуже писать и т. д.

– Кто это внушил ему, какая сволочь, что он переродился, как бросил пить?!

07.02.1968

Запил Высоцкий – это трагедия. Надо видеть, во что превратился этот подтянутый и почти всегда бодрый артист. Не идет в больницу, очевидно, напуган: первый раз он лежал в буйном отделении и насмотрелся. А пока он сам не захочет, его не положат.

– Нету друзей рядом, а что мы можем сделать?

02.02.1968

Нет друзей в театре. Венька и Вовка достаточно заняты своей карьерой и семьей, как и я – не хуже, не лучше, и хоть мы считаемся друзьями, поддерживаем, друг за друга порукой, но дальше этого не идет. В друге надо растворяться и отдаваться ему, как женщина – целиком и без остатка. К другу не приспосабливаются, ему не лгут в мелочах даже.

05.02.1968

Высоцкого возят на спектакли из больницы. Ему передали обо мне, что я сказал: «Из всего этого мне одно противно, что из-за него я должен играть с больной ногой». Вот сволочи-прилипалы...

19.02.1968

В «Стреле» читал Высоцкому свои писания. Ему нравится.

– Ты из нас больше имеешь право писать.

Он имел в виду себя и Веньку.

24.02.1968

Отделился от жены. Перехожу на хозрасчет. Буду сам себя кормить, чтоб не зависеть ни от чьего бзика. Теща отделилась по своей воле. А мне надоела временная жена, жена на один день. Я сам себе буду и жена, и мать, и кум, и сват. Не буду приезжать на обед, буду кормиться на стороне и отдыхать между репетициями и спектаклями в театре.

Высоцкий смеется:

– Чему ты расстраиваешься? У меня все пять лет так: ни обеда, ни чистого белья, ни стиранных носков. Господи, плюнь на все и скажи мне. Я поведу тебя в русскую кухню: блины, пельмени и пр. – И ведь повез в ресторан «Центральный».

Узнав, что Золотухин «отделился от жены», Высоцкий подбадривал его: «Чему ты расстраиваешься?»

У меня все пять лет так: ни обеда, ни чистого белья, ни стиранных носков. Господи, плюнь на всё и скажи мне. Я поведу тебя в русскую кухню: блины, пельмени и пр.»

29.02.1968

Ответственный спектакль. Какое-то начальство на «Десяти днях» Высоцкого не отпустило, ему пришлось сдать билет на самолет. Зачеркнули в явочном листке Васильева – напи-

сали Высоцкого. Первый состав... а мне никто ничего не говорит; что же, выходит, будет петь Сева «Пьеро»? И вдруг завтруппы подходит:

– Вы должны петь «Пьеро», вы – первый состав... Я сейчас Севе скажу.
Из-за муры я чуть было не расстроился. Даже закурил.

07.03.1968

Приехал Высоцкий от Полоки¹⁹. Говорит, видел смонтированную ленту, вся про меня, один я на экране, и первым номером. В общем, наговорил мне много хорошего: и про меня, и про ленту. Ну что делать? Верить или нет? Очень уж хочется верить, и вроде – не может быть. А почему не может быть, когда задумывалось так?! Может быть, хоть здесь повезет.

09.03.1968

Заявление сделано, иду его выполнять. Высоцкий говорит: ради такой роли можно все стерпеть, все унижения и брань.

10.03.1968

Высоцкий давал читать свой «Репортаж из сумасшедшего дома». Больше понравился, но не об этом речь. Прочитал я в метро, сколько успел, и не думаю, и не помню, о чем читал, – это не важно. Я размышляю, что я ему буду говорить, фантазирую, придумываю, и целый монолог, целый доклад сочинил о том, чего не знаю, чего не читал. Значит, мне важен не его труд, а моя оценка – говорильное мышление, то есть мы до того изболтались, до того швыряемся словами, верхушками знаний, до того в нас показуха сидит, что нам незачем и читать что-то, чтобы начать говорильню об этом «что-то».

18.03.1968

Вчера Влади сказала мне, что моя работа в «Галилее» выше всех – в монологе, в сцене с Галилеем. Пустячок, а приятно.

21.03.1968

Ужасный день. Вчера играл Керенского за Высоцкого, а сегодня, и вчера, и ночью молю Бога, чтоб он на себя руки не наложил. За 50 сребреников я предал его – такая мысль идиотская сидит в башке. Но я как назло оказался в театре и еще оговорил, идиот, условия ввода: 100 рублей. Это была шутка, но как с языка сорвалось! Ведь надо же, всё к одному: и Хмеля²⁰ нет, я еще за него играю. Боже мой!

– Высоцкий играть не будет, – кричит Дупак²¹, – или я отменяю спектакль!
– Как ты чувствуешь себя, Валерий? – шеф.
– Мне невозможно играть, Ю. П., это убийство, я свалюсь сверху!²²
– Я требую, чтобы репетировал Золотухин! – Дупак.

Высоцкий срывает костюм: «Я не буду играть, я ухожу... Отстаньте от меня...» Перед спектаклем показал мне записку: «Очень прошу в моей смерти никого не винить». И я должен за него репетировать!!! Я играл Керенского – я повзрослел еще на десятилетие. Лучше бы уж отменил Дупак спектакль. У меня на душе теперь такая тяжесть...

---

¹⁹ Полока Геннадий (Гена) – кинорежиссер и киносценарист, постановщик фильмов «Интервенция» (1968, на экраны вышел только в 1987), «Один из нас» (1970), «Одиноким своим» (1974), «Наше призвание» (т/ф, 1981). Ко всем этим картинам В. Высоцкий написал песни.

²⁰ Хмельницкий Борис, актер Театра на Таганке, киноактер, автор музыки (совместно с А. Васильевым) к спектаклям театра «Добрый человек из Сезуана» (1963), «Антимиры» (1965), «Жизнь Галилея» (1966).

²¹ Дупак Николай Лукьянович – многие годы директор Театра на Таганке.

²² Артист, играющий Керенского в спектакле «Десять дней...», должен был произносить речь, стоя на плечах партнера.

Высоцкого нет, говорят, он в Куйбышеве. Дай Бог, хоть в Куйбышеве. Меня, наверное, осуждают все, дескать, не взялся бы Золотухин, спектакль бы не отменили, и Высоцкий сыграл бы. Рассуждать легко. Да и вообще – кто больше виноват перед Богом? Кто это знает? Не зря наша профессия была проклята церковью, что-то есть в ней ложное и разрушающее душу: уж больно она из соблазнов и искушений соткана. Может, и вправду мне не надо было играть?!

22.03.1968

Уже висит приказ об увольнении Высоцкого по 47-й статье.

Ходил к директору, просил не вешать его до появления Высоцкого – ни в какую. «Нет у нас человека. И все друзья театра настроены категорически». Они-то при чем тут!

Высоцкий летает по стране. И нет настроения писать, думать. Хочется куда-нибудь ехать, все равно куда – лишь бы ехать.

23.03.1968

Вот ведь какая наша судьба актерская: сошел артист с катушек, Володька, пришел другой, совсем вроде бы зеленый парень из Щукинского, а работает с листа прекрасно, просто «быка за рога», умно, смешно, смело, убедительно. И сразу завоевал шефа, труппу, и теперь пойдет играть роль за ролью, как говорится, «не было счастья, да несчастье помогло». А не так ли и Володька вылез, когда Губенко убежал в кино и заявление на стол кинул, а теперь сам дал возможность вылезти другому... но и свои акции подрастерял... то есть уж вроде не так и нужен он теперь театру. Вот найдут парня на Галилея – и конец. Насчет «незаменимых нет» – фигня, конечно; каждый хороший артист – неповторим и незаменим, пусть другой, да не такой; но все же веточку свою, как говорит Невинный²³, надо беречь и охранять, ухаживать за ней и т. д. Чуть разинул рот – пришел другой артист и уселся на нее рядом, да еще каким окажется, а то чего доброго – тебя нет, и один усядется. Я иногда сижу на сцене – просто в темноте ли, когда другой работает, или на выходе – и у меня такая нежность ко всей нашей братии просыпается... Горемыки! Все мы одной веревочкой связаны: любовью к лицедейству и надеждой славы – и этими двумя цепями, как круговой порукой, спутаны, и мечемся, и надрываемся до крови, и унижаемся, и не думаем ни о чем, кроме этих своих двух цепей.

26.03.1968

Высоцкий в Одессе.

Шеф:

– Это верх наглости... Ему все позволено, он уже Галилея стал играть через губу, между прочим. С ним невозможно стало разговаривать... То он в Куйбышеве, то в Магадане... Шаляпин... тенор... второй Сличенко.

Губенко готовит Галилея. Это будет удар окончательный для Володьки. Губенко не позволит себе играть плохо. Это настоящий боец, профессионал в лучшем смысле, кроме того что удивительно талантлив.

---

²³ Невинный Вячеслав – артист МХАТа.

«Таганка» – центр притяжения зрителей 60–80-х годов.

Два дня был занят записью поездки и немного выбился из колеи. Высоцкий в Одессе, в жутком состоянии, падает с лошади, по ночам, опоенный водкой друзьями, катается по полу. «Если выбирать мать или водку – выбирает водку», – говорит Иваненко, которая летала к нему.

«Если ты не прилетишь, я умру, я покончу с собой!» – так, по его словам, сказала ему Иваненко.

02.04.1968

Последние два дня заняты делами Высоцкого. 31-го были у него дома, вернее у отца его, вырабатывали план действий. Володя согласился принять амбулаторное лечение у проф. Рябоконя – лечение какое-то омерзительное, но эффективное. В Соловьевку он уже не ляжет.

– У меня свои дела.

– Какие у тебя дела? Кроме театра?

Отец:

– У меня впервые заболело сердце, никогда не болело, а как это случилось... Мне В. П. говорил, Золотухин замечательно сыграл Керенского. Володя достал ему как раз на тот спектакль три билета.

Сегодня утром Володя принял первый сеанс лечения. Венька еле живого отвез его домой, но вечером он уже бодро шутил и вострил лыжи из дома. Поразительного здоровья человек. Всю кухню лечения, весь сеанс, впечатления и пр. я просил записать Веньку. Володя сказал, что запишет сам.

Но самое главное – не напрасны ли все эти мучения, разговоры-уговоры, возвращение в театр и пр.? Нужно ли Высоцкому это теперь? Чувствовать себя почему-то виноватым, выносить все вопросы, терпеть фамильярности, выслушивать грубости, унижения – при том, что Галилей уже сыгран, а, с другой стороны, появляется с каждым днем все больше отхожих занятий: песни, писание и постановка собственных пьес, сценариев, авторство, соавторство – и никакого ограничения в действиях. Вольность и свободная жизнь. Не надо куда-то ходить, обя-

зательно и строго вовремя, расписываться, играть нелюбимые роли и выслушивать замечания шефа и т. д. и т. п., а доверия прежнего нет, любви нет, во взаимоотношениях трещина, замены произведены, молодые артисты подпирают. С другой стороны, кинематограф может погасить ролевой голод, да еще к тому же реклама. Я убежден, что все эти вопросы, и еще много других, его мучают, да и нас тоже. Только я думаю, что без театра он погибнет, погрязнет в халтуре, в стяжательстве, разменяет талант на копейки и рассыплет по закоулкам. Театр – это ограничитель, режим, это постоянная форма, это воздух и вода. Все промыслы возможны, когда есть фундамент. Он вечен, прочен и необходим. Все остальное – преходяще. Экзюпери не бросил летать, как занялся литературой, совершенно чужим делом. А все, чем занимается Володя, это не так далеко от театра – смежные дела, которые во сто крат выигрывают от сотрудничества с театром.

10.04.1968

Прискакал с двух концертов. Записки: «Что с Высоцким?», «Правда ли, что Высоцкий уволен из театра?».

Нет, Высоцкий снова в театре, вчера мы играли «Послушайте!» первым составом. Взят на договор с какими-то унижительными оговорками, условиями и т. д. Но иначе, в общем, и быть не могло.

13.04.1968

Концерт с Высоцким – «возвращение блудного сына».

14.04.1968

Утренний «Галилей». Снова Высоцкий на арене. Зал наэлектризован. Прошел на «ура». Алые тюльпаны. Трогательно.

Славина:

– У вас с Венькой появилось перед Володькой подобострашие... Вы как будто в чем извиняетесь, лебезите, заискиваете...

– Есть несчастье и незнание, как относиться к нему, что делать, что будет дальше... тем более что для него самого нет этого несчастья, он не считает себя больным и в чем-то виноватым, во всяком случае, в той степени, в которой считаем мы... И мы растеряны... Это как – видишь язву на лбу другого и знаешь, чем она грозит, а сказать боишься и сознаешь бесполезность, коль скажешь, потому что ничем помочь уже нельзя... Вот и мнешься и теряешься.

20.04.1968

(После репетиции «Живого».)

Высоцкий:

– Твоя работа меня устраивает на 100, ну, на 99%. Валера, это грандиозно, то, что ты делаешь... ты иногда делаешь такие вещи, что сам не замечаешь... очень хорошие места с плотами, суд, счастье, пахота... вообще, это твоя удача и Петровича.

Володя говорил много и так хорошо и трогательно, что я чуть не разревелся.

02.05.1968

Вчера после спектакля «три мушкетера» отправились к Веньке. Грустно. Некоммуникабельность. Люся очень изменилась, нервная, подозрительная. Сплетни о Высоцком: застрелился, последний раз спел все свои песни, вышел из КГБ и застрелился.

Звонок:

– Вы еще живы? А я слышала, вы повесились.

– Нет, я вскрыл себе вены.

– Какой у вас красивый голос, спойте что-нибудь, пожалуйста.

26.05.1968

Высоцкий был в Ленинграде, видел перезапись «Интервенции», или теперь «Величие и крах дома Ксидиас» по «моей» фамилии. Расстроился, чуть не плачет:

– Нету меня, нету меня в картине, Валера. И в «Двух братьях» нет меня – все вырезали. Так надеялся я на эти фильмы. Нету меня, нету Высоцкого...

– А фильм-то получился?

– Конечно, получился.

– А что говорит Полока?

– Говорит, что все в порядке.

30.05.1968

Высоцкий снова в больнице. Отменен «Галилей».

01.06.1968

Сегодня выступают в «Послушайте!» новые Маяковские: Шаповалов, Вилькин – вместо Высоцкого и Хмельницкого (улетел в Италию на съемки). Вчера шеф гениально показывал, как надо работать в «Послушайте!». Если бы он так работал с нами, мы бы играли во много раз лучше и не ковырялись бы со спектаклем год.

«Жизнь Галилея». Галилей – Владимир Высоцкий, Маленький монах – Валерий Золотухин. «Утренний «Галилей». Снова Высоцкий на арене. Зал наэлектризован, –

записывает в своем дневнике Золотухин после одного из спектаклей. – Прошел на «ура». Алые тюльпаны. Трогательно».

09.06.1968

Крупная, вторая ссора (в тот день было их две, одна за одной, как бомбы) произошла в принципе из-за интервью с Полокой в «Литгазете», где он сказал про меня: «По-моему, у него большое будущее в кино». В театре начались разговоры. Иваненко сказала, вот, дескать, у него будущее, а у Высоцкого ничего. И еще: «Высоцкий считает, что Золотухин первым номером в «Интервенции», а Золотухин считает, что Высоцкий». На что Шацкая заметила: «Совсем и нет. Высоцкий считает, что Золотухин, и Золотухин считает, что Золотухин». Обо всем этом мне рассказала Иваненко в присутствии артистов и добавила вопросом: «Что ж он, лицемерил, что ли, тогда?».

Из-за этого и началось. Зайчик говорит:

– Я пошутила.

Я:

– Так и скажи.

– Да кто она такая и что у вас с ней за отношения? Почему ты так боишься, что она передаст Высоцкому? Что ты перед ними унижаешься? Ты что, боишься Высоцкого? Она хочет вас с Венькой приблизить к себе, разве это не видно? Венька не позволяет ей к себе приближаться. Она не поняла шутки, а я буду перед ней выказываться.

– Ты распустила сплетню обо мне, люди думают, что я действительно так веду себя. Я хочу, чтобы ты эту сплетню прекратила.

Венька:

– Ты болен идеей высшей правды и становишься конформистом. Что за чушь ты говоришь? Нинка абсолютно права.

Короче, он нас и помирил.

Заявили о своем желании сыграть в «Деревенском детективе» Жаров, Крючков. Ситуация и образ схожие, а материал литературный в 1000 раз лучше – значит мы идем с ними на таран, а зачем нам это нужно. Стало быть, необходимо искать другой ход, и срочно. И вот возникает идея Сережкин-Золотухин. И снова возникает на дороге театр. Работа огромная и, главное, далекая натура, Красноярск, тайга. Завтра проба с Высоцким-Рябым. «Может быть, это и есть то будущее, о котором сказал Полока?» Помогите, Господи!

11.06.1968

Проба с Высоцким (в «Хозяине тайги»). Оператор говорит: «Я лично буду драться» (в смысле за нашу пару). Назаров²⁴: «В группе сложилось такое мнение, что это и есть тот самый выигрышный вариант». Володя передал слова Полоки: «Вас с Золотухиным надо снимать теперь только вместе».

13.06.1968

Дошли слухи, что «Интервенция» – гениальная картина, мы с Высоцким гениально играем, но картина для эстетов, специалистов-кинематографистов. Для широкой публики ее сейчас нельзя показывать – положили на полку.

16.06.1968

---

²⁴ Назаров Владимир – кинорежиссер. В 1968 г. работал над к/ф «Хозяин тайги», в котором снимались В. Золотухин (милиционер Сережкин) и В. Высоцкий (бригадир сплавщиков Иван Рябой).

Я посмотрел пробы в «Хозяине», и уже захотелось сниматься. По тому, что делал Невинный, – это не конкурент. Авдюшко делает очень уверенно и точно в своих данных – но это шериф. Выигрыша нет. Высоцкий мне сказал, что без меня он сниматься не будет. Я сказал, что и я без него тоже.

Сегодня «Галилей», как праздник, месяц почти не было спектакля. Высоцкий вышел вчера из больницы, похудел.

21.06.1968

В среду (19-го) мы катались с Высоцким и Г. Кохановским²⁵ в Ленинград смотреть «Интервенцию». По-моему, гениальная картина, и многие так говорят. Моя работа меня устраивает, не везде, но в общем удовлетворительно. Что говорят люди, я подожду записывать до окончательного выхода фильма. Скажу только – по сумме всех отзывов я делаю вывод: я выиграл Женьку. Все. Больше пока ничего не скажу, потому что очень много порезали и могут чикнуть еще, но в общем линия проглядывается, она осталась любопытной, и я не могу ругать Полоку, ему надо выиграть фильм. Первым номером в фильме – он, Полока.

В среду, когда мы были в Ленинграде, состоялся худсовет по «Хозяину тайги». Не знаю, поздравить себя или нет, но мы оба с Высоцким утверждены на главные роли. Работа предстоит отчаянная. Главное: недостатки, рыхлость и примитивизм сценария преодолеть. И еще – время. Сроки начнут терзать, и мы зашьемся. И с фильмом, и с ролями. Но по крайней мере я настроен по-боевому, не говоря о Высоцком, который сказал скромно: «Мы сделаем прекрасный фильм». Спорить с ним я не стал.

22.06.1968

Из гусар были: 1) Гаранин²⁶ – наконец-то принес мне свою потрясающую работу «Мечущийся Пьеро» и бутылку водки. 2) Высоцкий – не пил, а есть нечего было, подарил брюки. 3) Веня Смехов – подарил здоровенную рыбину сухую под пиво... 4) В час ночи где-то пришел Калягин, подтрунивал над Гараниным.

23.06.1968

Перед тем как выйти на худсовет, Назаров, по инициативе Стефанского, был у Шабанова²⁷. В основном по линии Высоцкого, испугались статьи.²⁸

Шабанов:

– Золотухин – это самостоятельный художник, талантливый артист, за ростом которого мы с интересом наблюдаем, но ему пора встать на ноги. Пора бросить танцевать под дудочку Любимова, открывать рот, когда его открывает Любимов, и закрывать, когда тот закрывает. Пора бросить ему смотреть в рот Любимову. (Это перепевы Дупака.) Высоцкий – это морально опустившийся человек, разложившийся до самого дна. Он может подвести вас, взять и просто куда-нибудь уехать. Я не рекомендую вам Высоцкого.

Где это было видано, чтобы секретарь райкома давал рекомендации для участия в съемках?! Докатались.

---

²⁵ Кохановский Игорь (Гарик) – поэт, в прошлом журналист, друг В. Высоцкого со школьной скамьи.

²⁶ Гаранин Анатолий Сергеевич – фотохудожник. «Мечущийся Пьеро» – фотопортрет В. Золотухина в роли Пьеро из спектакля «Десять дней...».

²⁷ Стефанский Алексей Николаевич – директор картины «Хозяин тайги»; Шабанов Петр Ильич – в то время 1-й секретарь Пролетарского райкома КПСС. Театр на Таганке (до перерайонирования Москвы в ноябре 1968 г.) находился на территории и в ведении этого района.

²⁸ Имеется в виду статья Г. Мушты и А. Бондарюка «О чем поет Высоцкий», опубликованная 09.06.1968 в газете «Советская Россия».

В своем театре Юрий Любимов с самого начала был и оставался диктатором.

26.06.1968

Дупак строит козни нам с Высоцким. Особенно последнему: не подписывает разрешение на съемку. Ждет, зануда, чтобы ему чего-нибудь предложили сыграть из-за нас, как в «Интервенции».

30.06.1968

А что же делать мне с моею бабкой Катериной Юрьевной, что рассказала мне в Санжейке такие истории своей жизни? Как их умудриться изобразить в литературе? Может быть, связать

как-то с морем? Я помню, мы сидели с Высоцким ночью голые на берегу моря, под звездами на камушках, и глядели в море. Шел большой пароход вдалеке и светил. Там кишел народ, а мы наблюдали и придумывали разные истории, которые могли там твориться, случиться и т. д. Высоцкий говорил, что этот год, будущий сезон, будет твой, ты сыграешь Кузькина²⁹. Но прошло уже два сезона, а мой год все не пришел... Но при чем тут бабка?..

08.07.1968

Высоцкий переживает укол. Прививочный. Когда вышел из машины перед театром, я его испугался – бледный, с закатывающимися глазами, руки трясутся, сам качается. «В машине, – говорит, – потерял сознание. Аллергия». Меня пока пронесло. Может, после второго-третьего и меня хватит.

21.08.1968

Я сижу один в большом, сыром, грязном доме. На улице моросит. Холодно. На мне полное обмундирование, плащ, фуражка, но руки коченеют все равно. Высоцкий с Говорухиным³⁰ смотались два дня назад. Солнца нет, небо черное – снимать невозможно, а мы чего-то ждем и не хотим сниматься с этой базы. Высоцкий так определил наш бросок с «Хозяином»: «Пропало лето. Пропал отпуск. Пропало настроение». И все из-за того, что не складываются наши творческие надежды. Снимается медленно, красивенько – и не то. Назаров переделал сценарий, но взамен ничего интересного не предложил. Вся последняя часть – погоня, драка и пр. – выхолощена, стала пресной и неинтересной. На площадке постоянно плохое, халтурное настроение весь месяц, и ругань Высоцкого с режиссером и оператором. Случалось, что Назаров не ездил на съемки сцен с Высоцким, что бесило Володечку невообразимо. Оператор-композитор: симфония кашеварства, сюита умывания, прелюдия проплывов и т. д. А где люди, где характеры и взаимоотношения наши?

---

²⁹ Главная роль в спектакле «Живой» («Из жизни Федора Кузькина») по повести Б. Можаяева.

³⁰ Говорухин Станислав – кинорежиссер и кинодраматург, друг В. Высоцкого. Их связывала совместная работа над фильмами «Вертикаль» (1967), «Белый взрыв» (1969), «Контрабанда» (1974), «Ветер надежды» (1977), «Место встречи изменить нельзя» (т/ф, 1979).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.